
А. В. СМОЛЯК

ЮЖНЫЕ ОРОКИ

(Этнографические заметки)

Литература об ороках Сахалина очень скудна: для XIX в. она ограничивается сведениями Л. И. Шренка¹ и данными С. Патканова². Б. А. Васильев, посетив ороков в 1928 г., описал черты их традиционного быта, еще почти не затронутого тогда советским развитием³. О жизни ороков в условиях современной действительности имеется краткое сообщение М. Г. Левина⁴. Небольшая статья, касающаяся вопроса о происхождении ороков, принадлежит автору настоящего сообщения⁵.

Мы упомянули литературу об ороках северной части Сахалина. Описания культуры ороков, живущих на юге острова, в русской этнографической литературе отсутствуют (С. Патканов привел статистические данные о южных и северных ороках, но более подробных сведений нет и у него.)

Летом 1963 г. мы посетили южных ороков, живущих недалеко от г. Поронайска. Судьбы ороков во время японской оккупации вырисовываются (из расспросных данных, из скудных литературных источников, а также на основании наблюдений над современным положением этой народности) следующим образом.

Маленькая группа южных ороков жила очень рассеянно по южносахалинской тайге, несколько южнее границы, отделявшей от советской части Сахалина зону японской оккупации, и по рекам, впадающим в оз. Невское и залив Терпения.

В результате экономических трудностей ороки лишились оленей. Некоторые были вынуждены наниматься пастухами к крупному оленеводу — якуту, другие уходили из тайги и селились на побережье заливов Анива и Терпения, где жили в маленьких селениях (по данным С. Патканова в районе Корсакова в 1897 г. было 9 селений ороков), занимаясь преимущественно рыболовством. Ороки 50—60-летнего возраста, живущие и ныне на берегу залива Терпения, обычно подчеркивают, что только люди их поколения начали селиться на побережье; раньше все жили в тайге. Существовало лишь одно более крупное селение на о. Северном, расположенном в дельте р. Поронай, состоявшее из 20—25 небольших дощатых хижин, в которых жили ороки и нивхи. По словам ороков, тут можно было увидеть и их традиционные двускатные шалаши «кау-

¹ Л. И. Шренк, Об инородцах Амурского края, тт. I, II, СПб., 1883, 1898.

² С. Патканов, Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, т. I, СПб., 1912.

³ Б. А. Васильев, Основные черты этнографии ороков, «Этнография», 1929, № 1.

⁴ М. Г. Левин, Амурская экспедиция 1947 г., «Краткие сообщения Ин-та этнографии» (далее КСИЭ), V, 1949.

⁵ А. В. Смоляк, К вопросу о происхождении ороков, КСИЭ, XXI, 1954.

ра», которые строили жители тайги, приходившие сюда на короткое время. В этом селении в течение нескольких лет функционировала единственная начальная школа для детей коренного населения. Большая часть детей ороков не могла посещать школу, ибо там учились лишь дети, жившие в данном селении. Дети, находившиеся с родителями в тайге или в отдаленных селениях на морском берегу, не получали никакого образования.

Очень тяжелым было экономическое положение ороков. Для занятия морским рыболовством требовались большие ставные неводы, моторный флот, приобретение которых было не под силу орокам.

Многие ороки на период хода сельди и лососевых нанимались на работу рыбаками к крупным японским предпринимателям, получая за свой тяжелый и опасный труд жалкие гроши. Чтобы как-то сводить концы с концами, ороки брались за любую работу: нанимались грузчиками в порту и на железнодорожных станциях, перевозили грузы на собаках; женщины наравне с мужчинами нанимались на временные работы по обработке рыбы и т. п. Несмотря на свою малочисленность, на трудности, связанные с японской оккупацией, утрату некоторых элементов культуры (оленоводство), ороки сохранились как цельная этническая группа со своим языком и культурой.

С 1945 г., после окончания японской оккупации, жизнь ороков резко переменялась. В настоящее время они живут преимущественно в селах Речное и Устье, в г. Поронайске и его окрестностях. Всех южных ороков на Сахалине насчитывается сейчас 160—170 человек.

В г. Поронайске ороки работают на рыбокомбинате — в сетеповивочной мастерской, в копильном цехе, рыбообработчиками, на лесотарном комбинате, в различных учреждениях и т. д.

Некоторые ороки — охотники, рыбаки, звероводы работают в Поронайском коопзверпрохозе; человек 15 живут в поселке «Красный Октябрь», недалеко от станции Баюклы, и работают в оленеводческой бригаде Поронайского зверосовхоза⁶. Человек 40 ороков живут в с. Устье, расположенном в 8 км от с. Речного, на берегу залива Терпения. Они составили две рыболовецкие бригады в системе Поронайского рыбокомбината.

Наиболее компактная группа ороков живет в с. Речное, на берегу залива Терпения, в 6 км от Поронайска. В 1947 г. нанайцы-переселенцы из различных амурских сел создали здесь колхоз «Новый путь», в него вошли также семьи ороков и нивхов. В 1959 г. он вошел в колхоз «Дружба», объединивший, кроме того, несколько русских колхозов, расположенных около Поронайска. Ороки работают главным образом в рыболовецкой бригаде колхоза, сохранившей прежнее название «Новый путь».

В настоящее время с. Речное — многонациональное: тут живут нанайские, русские, нивхские, орокские, орокско-нанайские, орокско-нивхские, нивхско-русские семьи. Ороков в этом селении более 40 человек.

В 1963 г. в бригаде «Новый путь» насчитывалось 48 колхозных дворов. Все колхозники бригады — рыбаки. Рыболовство дает 65—80% всех доходов колхоза. Русские колхозники объединенного колхоза «Дружба», живущие в разных селениях близ Поронайска и в самом городе, занимаются сельским хозяйством — возделывают сахарную свеклу, разво-

⁶ Здесь в одной бригаде работают совместно эвенки, южные и северные ороки, нивхи. Взрослых мужчин ороков тут немного, преобладают женщины — южные ороки, состоящие в смешанных браках (с нивхом, эвенком, корейцем, северным ороком). Все пастихи этой бригады, выпасающие 930 оленей, имеют жилища в пос. «Красный Октябрь» Баюкловского поссовета.

дят птицу, норок и т. д., однако на сельскохозяйственных работах занято менее 10% всех трудоспособных русских колхозников, основная рабочая сила в целом по колхозу также используется в рыболовстве⁷. В бригаде «Новый путь» колхозники сельским хозяйством не занимаются. Рыбаки бригады «Новый путь» ведут прибрежный лов, рыбаки других колхозных бригад занимаются преимущественно активной добычей рыбы в открытом море. Колхоз «Дружба» богат. Его валовые доходы составляют ежегодно около 2 млн. руб.

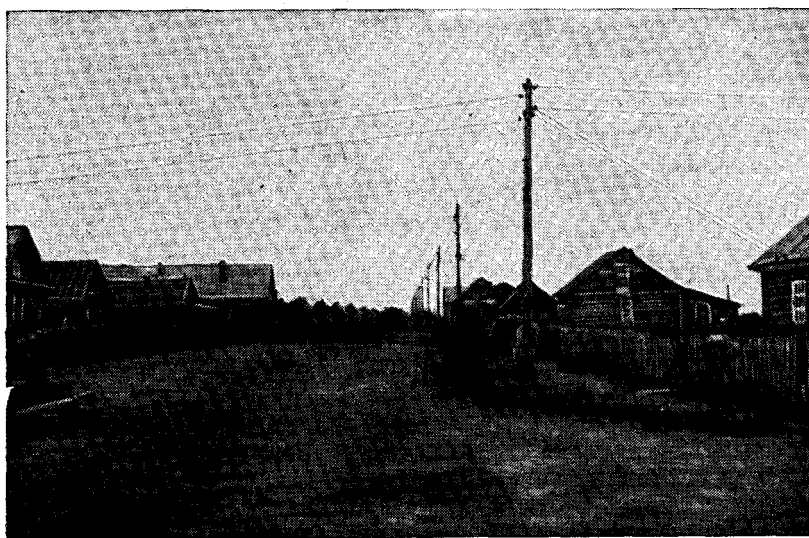

Рис. 1. С. Речное

Основные промысловые породы, добываемые прибрежным ловом, — сельдь и корюшка; лососевые (горбуша) и навага имеют меньшее значение; кеты в этих местах совсем мало. Всю добытую рыбу колхозники сдают в сыром виде Поронайскому рыбокомбинату.

Рыболовецкая бригада «Новый путь» разбита на три звена; каждое из них пользуется для промысла «мотодором» (большая шлюпка с 40-сильным мотором), 7 ставными и 10 закидными неводами, 45—50 вентерями. Эти орудия лова колхоз покупает у государственных организаций. В звеньях дружно трудятся представители разных национальностей; так, в звене, которым руководит орок Огава Хома, насчитывается пять ороков, четыре нанайца, два корейца и один нивх.

Добыча рыбы южными ороками ведется круглый год: зимой ловят подо льдом в реках, летом — в море. Обычно в мае в заливе Терпения начинают выставлять контрольные сети, соединяя по 10 сетей вместе (длина каждой сети 150—200 м, ширина 5—6 м). Когда ход сельди достигает большой интенсивности и в сети начинает попадать по 20—30 ц рыбы, их снимают и устанавливают ставные неводы, которые оставляют здесь до поздней осени. Сначала ими добывают сельдь, а позднее, сменив ловушки, — лососевых. Горбуши бывает временами очень много; эта

⁷ Примерные масштабы добычи рыбы таковы: в 1961 г. рыбаки колхоза «Дружба» добыли 49 586 ц рыбы, из них бригада «Новый путь» — 9556 ц; в 1962 г. рыбаки всего колхоза выловили 54 868 ц, из них бригада «Новый путь» — 11 740 ц.

рыба идет с середины июня до конца августа. В сентябре и октябре возобновляется лов сельди. В октябре рыбаки ловят закидными неводами корюшку в устьях рек. Подледный лов корюшки и наваги начинается в ноябре и ведется вплоть до весны; вентери выставляют в реках, впадающих в оз. Невское и в залив Терпения. В середине мая, с очищением водоемов ото льда, корюшку ловят у берегов закидными неводами.

Некоторые старики добывают для личного потребления корюшку и навагу при помощи махалок (по-орокски «лочо»).

Таким образом, рыболовство здесь имеет морской характер: ловят в море и в реках, но в реках зимой добывают также морскую рыбу. Рыбаки, сдавая рыбу-сырец, получают хорошую плату. Так, в 1961 г. средний годовой заработок рыбака в бригаде «Новый путь» составил 1392 руб., т. е. свыше 100 руб. в месяц. В 1963 г. только за июль рыбаки получили по 800—950 руб. Орок Огава Хома с тремя сыновьями за июль заработали свыше 4 тыс. руб. По несколько тысяч рублей получили рыбаки в январе — марте 1963 г. за навагу⁸.

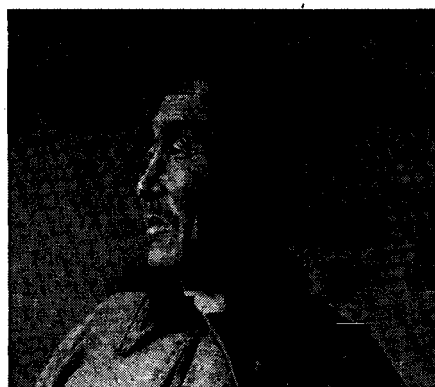

Рис. 2. Рыбак Огава Хома

Но большие удачи не всегда сопутствуют рыбакам. Временами промыслу мешают сильные штормы. Случается, что в конце мая — начале июня во время добычи сельди к берегу вплотную подходят льды; сплошные ледяные поля двухметровой толщины тянутся на 1,5—2 км от берега. При приближении льдов рыбаки торопятся снять ставные неводы и ловушки, промысел приходится прекращать иногда на целый месяц.

Помимо рыболовства, ороки (а также нивхи и живущие здесь нанайцы) занимаются добычей морских животных — нерп и лахтаков как для колхоза, так и для личных нужд. В 1962 г. в колхозе «Дружба» было добыто 4492 головы морского зверя. Обычно этих животных бьют весной или осенью, когда они, следуя за косяками сельди, подходят к берегу. Средства охоты — сетные ловушки и огнестрельное оружие. Сетные ловушки изготавливаются по форме и принципу действия вентера. Их ставят недалеко от берега и проверяют один раз в два — три дня. Иногда в одну ловушку попадает до 20 нерп.

Для личных нужд колхозники добывают животных при помощи самодельных оригинальных ловушек (по-орокски «потангку»), напоминающих небольшую «плавающую дверь». Размер деревянной рамы, сделанной из нетолстых бревен, — 110—115×135—150 см. К раме прикрепляются две доски — «дверцы», открывающиеся лишь в одну сторону — вниз. К нижней стороне рамы прибивают мешкообразную сеть длиной до 5 м. Ловушку ставят на расстоянии 200—300 м от берега, против впадения реки в залив. Нерпа взбирается на ловушку, чтобы отдохнуть, но

⁸ Рыбаки, живущие в с. Устье и работающие в системе гослова, зарабатывают временами даже больше, чем колхозники; среднемесячный заработок ороков-рыбаков в 1962 и 1963 составлял здесь 250—300 руб. В июле 1963 г. рыбаки заработали по 700—800 руб. каждый. Жены рыбаков с. Речное работают на обработке рыбы в Поронайском рыбокомбинате; они ездят туда из дома ежедневно автобусом. Дневной заработок обработчицы рыбы — 5 руб.

проваливается в сетку, дверцы всплывают и закрываются. За одну ночь в ловушку попадает от 3—4 до 10 нерп⁹.

Ороки 50—60-летнего возраста вспоминают, что 15—20 лет назад охотились на морского зверя при помощи длинной плавающей остроги «дарги»¹⁰. Некоторые пожилые ороки в с. Устье до сих пор употребляют такое орудие для подтягивания к себе животных, убитых из огнестрельного оружия. Древко дарги делают составным из нескольких жердей (общая длина 20—25 м), к передней его части прикрепляют руль «лаху» с железным наконечником «дэгбо». Следует отметить, что такие же названия — дарги, лаху и дэгбо — для аналогичного орудия и его частей были у ульчей, живущих на Амуре. Как и ульчи, южные ороки называют нерпу «геокса», а лахтака — «даунггари». Подобные совпадения касаются и других названий рыб, животных, предметов материальной культуры, культа и т. д. у ульчей и южных ороков. Такое сходство в языках двух этнографических групп, исторические судьбы которых за последнее столетие были различными и которые живут на большом расстоянии друг от друга, представляются очень важными. Попытку объяснить это явление мы сделаем несколько ниже.

Добыча морских животных имеет для ороков, как и для других местных жителей, большое значение; особенно ценятся шкуры, из которых шьют зимнюю непромокаемую обувь, делают ремни для собачьей упряжки, подбивают охотничьи лыжи. Мясо и жир нерп употребляют в пищу.

Охота на таежных животных играет значительно меньшую роль: рыбаки предпочитают более доходный подледный промысел. Однако некоторые охотники занимаются любимым делом ежегодно.

В тайге на Южном Сахалине добывают лисиц, белок, выдр, соболей. Летом и зимой охотятся на медведей, оленей¹¹ (но добыча оленей лимитируется государством). Основными орудиями промысла являются капканы (на пушных животных) и огнестрельное оружие (преимущественно на крупных зверей).

В прошлом таежная охота играла более важную роль. Сахалин, особенно Южный, славился обилием соболей. Старики ульчи неоднократно рассказывали нам, что в прошлом из многих амурских сел ежегодно отправлялись охотничьи артели за соболем на Южный Сахалин, ибо там этих животных было значительно больше, чем на Амуре.

Ороки прежде пользовались иными способами охоты, делали различные ловушки; многие из них были сходны с широко распространенными у амурских охотников. Так, поздней осенью ороки ставили петли — «пута» (ульч. «пуча») на поваленных через ручьи бревнах и ловили ими соболей. Были известны им и самострелы для охоты на пуш-

⁹ Такие ловушки применялись и нивхами Амурского лимана. См. А. В. Смоляк. Заметки по этнографии нивхов Амурского лимана, Сб. «Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. LVI, М., 1960.

¹⁰ Такое орудие было широко известно и другим народам Дальнего Востока: нивхам (см. Л. И. Шренк, Указ. раб., т. II), орокам Северного Сахалина (Б. А. Васильев, Указ. раб.), ульчам (А. В. Стренина, Этнографическое изучение ульчей в 1947 г., КСИЭ, V, 1949), а также коренному населению Охотского побережья (А. М. Золотарев, Новые данные о ламутах Охотского побережья, «Историк-марксист», 1938, № 2).

¹¹ Названия таежных животных:

	у южных ороков	у ульчей
соболь	сэпэ	сэпэ
лисица	сули	сули
выдра	муодо	муодо
белка	хулэ	холо
медведь	бую, мапа	мапа
дикий олень	сиро	сиро

ных животных¹², давящие ловушки в дупле дерева — «нангу» (ульч. «нангу»).

Немногие южные ороки, имевшие оленей, охотились верхом. Как только выпадает снег, на соболя выходили с собакой. Ее пускали по найденному следу и ожидали, когда она загонит животное на дерево, затем подъезжали на олене и стреляли в соболя. Хороший охотник с собакой мог добыть за сезон до 50 соболей.

Южные ороки, как и все амурские охотники, пользовались лыжами двух типов: широкими, гнутыми, с меховой подбивкой «кумултэ» и узкими голицами «каяма».

Ороки 40—45-летнего возраста, живущие под Поронайском, рассказывают, что их родители имели оленей и перевозили детей в колыбелях, привьюченных к оленям. Многие старики сами жили в тайге в конических шалашах «аундо» (ульч. «аундя»), крытых рыбьей кожей или берестой, в двускатных шалашах «каура» (ульч. «даура») из древесных плах, в палатках.

Оленей¹³ южные ороки использовали под вьюк, ездили на них верхом и на нартах. Вьючные сумы «хульма» (такое название имеют ульчские берестяные туеса) делали из бересты и обтягивали ровдугой. Вьючное седло «намба» состояло из двух дощечек, обтянутых ровдужными подушками (набитыми оленьей шерстью) и соединенных костяными луками. Такое же в принципе верховое седло — «ымы» покрывали сверху оленьей шкурой.

Оленья нарта у ороков называется «оксо» (у ульчей «онгсо» — ручная охотничья нарта).

Для поездок в Поронайск, для перевозки орудий подледного лова и т. п. употребляют собак, запрягая по три — пять и более. На промысел ездят за 10—20 км, везут вентери, инструменты для пробивания льда. На нарту садится и сам рыбак. Нарта «тучи» (ульч. «тучи») — прямокопыльная, с односторонне загнутыми полозьями и горизонтальной дугой впереди, дощатым или прутяным настилом. Хомут в собачьей упряжи называется «хала» (ульч. «хала»).

В 1947—1949, а затем в 1957—1958 гг. в с. Речное было выстроено около 50 добротных срубных жилых домов, вытянувшихся в два ряда параллельно берегу и образовавших одну улицу. В селении имеются начальная школа, большой клуб, детские ясли-сад, медпункт, магазин; селение и все дома в нем радиофицированы и электрифицированы. От Поронайска до села каждый час идет автобус.

Таким образом, каждая семья ороков в с. Речное имеет добротный срубный дом. Государство оказало большую помощь колхозникам в обзаведении жилищами и выдало на постройку каждого дома ссуду в размере 2,5 тыс. руб. Дома ставили бригады колхозных строителей; вселившаяся в дом семья должна была выплачивать государству в течение

¹² Примечательно, что названия не только самого самострела, но и его деталей у ороков почти совпадают с ульчскими:

	у южных ороков	у ульчей
самострел	дэнггурэ	дэнггурэ
лучок	бурикэ	бури
тетива	хули	хули
стрела	боо	боо
ложе	туда	чаг'ля
курок	чаг'ля	пими

¹³ Олень по-орокски — «уля», маленький, только что родившийся — «соондо», годовалый — «сепо», двухлетний — «апала», трехлетний — «иктэна», четырехлетний — «нотон», пятилетний — «хаматана», шестилетний — «дупчи», самка оленя — «нами», бык — «курбо».

15 лет половину стоимости дома, вторую половину расходов государство взяло на себя. После того, как колхоз «Новый путь» вошел в состав колхоза «Дружба», объединенное хозяйство расплатилось с государством по ссудам; с тех пор колхозники платят колхозу ежемесячно квартирную плату (4—7 руб.) в зависимости от размеров площади. Дома большей частью просторные, каждый дом состоит из двух-четырех комнат, сеней, подсобных помещений. Снаружи многие срубные дома обшиты тесом и покрашены. Большая часть домов крыта шифером, отапливается кирпичными печами-плитами собогревателями. Окна большие; наличники, косяки и рамы красят масляной краской.

Рис. 3. Орокская женщина из с. Устье

Зайдя в любой дом, можно убедиться, что люди здесь живут в полном достатке: хорошая мебель, во многих домах ковры, радиоприемники, фотоаппараты, радиолы¹⁴. Высокие заработки позволяют рыбакам хорошо питаться, покупать дорогую одежду.

Одежду ороки сейчас чаще всего приобретают в местных магазинах: рыбаки покупают прорезиненные куртки, брюки, плащи с капюшонами, резиновые сапоги. Летом в хорошую погоду на промысел выезжают в обычных брюках, рубашках «ковбойках», куртках с застежками «молния», в пиджаках, кепках, в

рабочих сапогах. Зимой надевают полубушки на меху, телогрейки, самодельные меховые безрукавки и торбаза из нерпичьих шкур. Мужчины имеют хорошие праздничные костюмы, а молодые — по несколько костюмов; летом в нерабочее время они надевают светлые костюмы, сандалии, красивые светлые туфли, шелковые рубашки. Молодые и пожилые женщины носят летом платья из пестрых тканей с короткими рукавами, туфли. Поверх платьев в прохладную погоду надевают вязаные жакеты. Отправляясь в гости, пожилые женщины надевают покупные темные костюмы или светлые мужские куртки на «молнии», светлые головные платки, концы которых чаще всего завязываются сзади, угол платка свешивается поверх узла; гораздо реже платки завязывают под подбородок. Зимой женщины носят телогрейки, покупные пальто, валенки или самодельную обувь.

Девушки, как и юноши-рыбаки, следят за модой. Часто их можно видеть в ярких блузках с короткими рукавами, в узких брюках, в туфлях на тонких каблуках, с красивыми сумками и затейливыми прическами; так обычно одеваются приезжающие на каникулы студентки, сельские жительницы стараются им ни в чем не уступать. Не только молодые, но и пожилые женщины охотно надевают покупные серьги, ожерелья.

Наряду с современной одеждой у пожилых ороков можно встретить элементы традиционной одежды. Как мужчины, так и женщины пожилого возраста носят матерчатые ноговицы, для зимы их шьют на вате. Женщины рассказывают, что еще недавно таежные обитательницы

¹⁴ В магазине с. Речное мы видели заявки на новые товары: из 10 человек, заказавших стиральные машины «Заря», было трое ороков.

носили под халатами матерчатые нагрудники «нэллю», украшенные бисером и металлическими подвесками.

Халаты «покто» (ульч. «покто») еще не так давно имели большое распространение. Они были в основном двух типов. Один из них — амурский: как и повседневные халаты у нивхов, ульчей или орочей, он имел покррой кимоно, удвоенную левую полу, длинные узкие рукава, отделочную полосу внизу по подолу с пришитыми на ней мелкими металлическими бляшками «ачикта» (ульч. «ачи»). Второй тип халата носил следы влияния якутов; аналогичные следы якутского влияния в одежде обнаруживаются и у северных ороков. Якуты уже в конце XIX в. жили на Сахалине и занимались преимущественно торговлей. Халат якутского типа был цельнокроенный, имел вшивные рукава, широкие в верхней части, пришивавшиеся в сборку. Три вставных клина — два по бокам и один в середине спинки — от талии до самого низа значительно расширяли подол халата. Воротник — небольшой, отложной. Такие халаты теперь встречаются только у очень старых женщин. По воспоминаниям известны ровдужные женские орнаментированные халаты «нгальма».

Пожилые мужчины еще носят куртки «капчима» (ульч. «капчима») из ткани, с застежкой спереди посередине; прежде такие же куртки шили из ровдуги. У оленеводов в Баюклах до сих пор встречаются традиционные шубы «схуун» из оленьих шкур, у остальных южных ороков они вышли из употребления.

Из более редких и дорогих частей одежды отметим бытование мужских безрукавок — «халагди» (ульч. «халада»), сшитых из двух цельных выдровых шкурок, с завязками на груди.

Некоторые ороки говорят, что в прошлом им была известна обувь из рыбьей кожи — «пондо» (ульч. «пойдо»), но она во время сушки в тайге у костра быстро портилась и большого распространения не имела. Другие ороки отрицают бытование у них такой обуви, говоря, что ее изготовляли айны, у которых отдельные ороки ее покупали.

Широкое распространение получила у ороков обувь амурского типа из нерпичьих шкур с отдельно пришивавшимися матерчатыми голенищами — «турэскэ» (ульч. «турэскэ») ¹⁵. Головку кроили целиком, без дополнительно пришитой подошвы, лишь с небольшим вставным треугольным клином на подъеме. Носок чуть загнут вверх со сборками. Выкройка такой обуви, называемой ороками «уйльтани утта», что значит «орокская обувь», имеет такой же вид, как и опубликованная в на-

Рис. 4. Орокская женщина в халате амурского типа (рис. Г. В. Шолоховой)

¹⁵ См. рисунки и выкройки такой обуви в наших статьях об ульчах («Этнографическое изучение ульчей в 1947 г.») и о нивхах Амурского лимана («Заметки по этнографии нивхов Амурского лимана»).

шей статье о нивхах Амурского лимана (рис. «б» на стр. 139). Обувь тунгусского покроя шили из камусов оленя, из нерпичьих шкур, а также из оленьей ровдуги.

Шапки «апу» из оленьих шкур и из ткани, меховые рукавицы «мам-бака» (своеобразное название, отличное от амурских и от эвенкийского) — таковы дополнительные элементы традиционной одежды ороков.

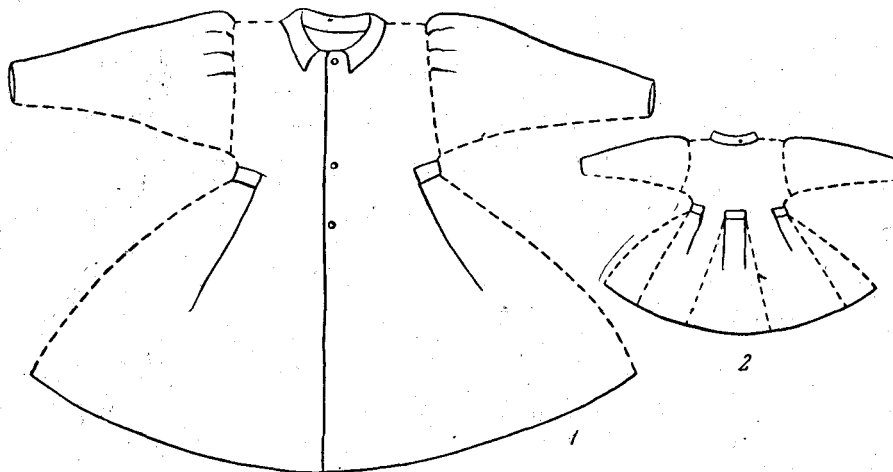

Рис. 5. Выкройка халата якутского покроя. 1 — вид спереди; 2 — вид сзади

В прошлом шкуры и кожи употреблялись для изготовления одежды и обуви гораздо шире, чем теперь; более важную роль играли оленьи шкуры; с утратой оленеводства основное место при изготовлении обуви приобретают нерпичьи и сивучьи шкуры. Ороки очень хорошо выделяли оленью кожу, из которой изготовляли мягкую ровдугу — «харапса». Орудия для обработки кожи были такими же, какие употребляют на Амуре ульчи и нанайцы¹⁶. Скребок для обработки нерпичьей шкуры ороки называют «хэрипу» (у ульчей таких нет).

Из инструментов для обработки дерева отметим эвенкийский стружок «эрэпчени» и кривой нож для строгания «гесу», распространенный с таким же названием среди ульчей и нанайцев. Кожу оленью и рыбью резали при помощи специального женского ножа «гисуру» (ульч. «гирсу»), на кроильной дощечке «худэ» (ульч. «худэчэ»). Швейные принадлежности женщины хранили в небольших сумках, сшитых из шкур оленя или нерп; они и у ороков и ульчей называются «хура». Хотя в повседневном быту ороки применяли покупную утварь, однако в таежной жизни наиболее удобны были портативные берестяные вещи: коробки, корзинки, кузовки, шкатулки, колыбели и т. п., которые часто украшали орнаментом. Любопытно, что и тут мы встречаем те же названия, что и у ульчей: «мулю» — берестяная цилиндрическая коробка, «куркэ» — корзинка; однако «дэктэу» — берестяная коробка с крышкой — изготовляется по иной выкройке, чем берестяная утварь у ульчей (хотя назва-

¹⁶ Названия орудия также аналогичны:

один из скребков	у южных ороков	у ульчей
другой	хосипу	хосипу
третий	тутту	тучу
	кэдэрэ	кэдэрэ

ния их совпадают). В то же время берестяные блюда, изготовленные так же, как и ульчские, имеют у ороков совершенно иное название — «андума» (ульч. «пача»). Теперь ороки пользуются покупной утварью, приобретаемой в магазинах, но в домах, где есть старики, берестяные

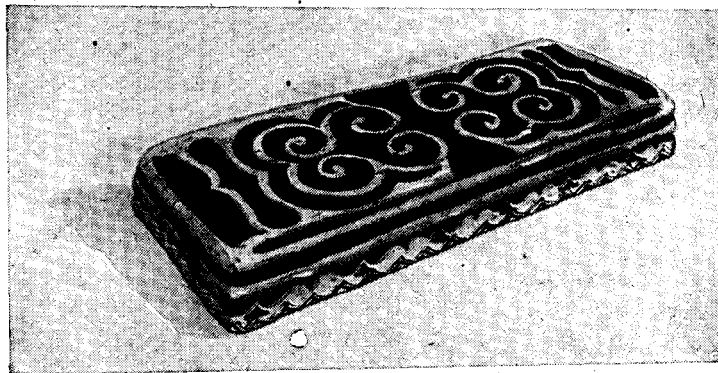

Рис. 6. Орнамент на берестяной коробочке (рис. Г. В. Шолоховой)

изделия еще встречаются. Представляет интерес и вышивка южных ороков, до сих пор неизвестная в этнографической литературе.

Пища ороков очень своеобразна; они употребляют многочисленные дары моря, чем, естественно, отличаются от амурских народностей, которые пользуются речными и таежными богатствами. В пищу ороков идет продукция морской охоты, морского рыболовства, морского собирательства: употребляют в пищу нерпичье сало «кэму», перегорелый жир «ильда», вареное мясо. Так же, как ульчи и нивхи, ороки прежде готовили своеобразный студень из рыбьей кожи (орок. «муси», нивх. «мось», ульч. «моси»): разваренную кожу кеты или горбуши растирали деревянным пестиком «монипу» (ульч. «монгпу») в деревянном долбленом корытце «итто» (ульч. «ото»), разбавляли нерпичьим жиром, добавляли в студень разные ягоды. Из горбуши в больших количествах делали юколу, заготавливая ее впрок. С каждой рыбы длинным и тонким ножом «маурику» снимали несколько тонких слоев: первый вместе с кожей назывался «чачаби», далее следовал тонкий пласт без кожи — «маури» (ульч. «маури»). Тонкие пласты, снятые вместе с кожей, иногда надсекали поперек, чтобы они быстрее провялились; этот вид юколы назывался «яу». После снятия всех пластов юколы оставалась кость «сеыри», которую употребляли на корм собакам. Чтобы сохранить юколу от мух, ее коптили в небольших ша-

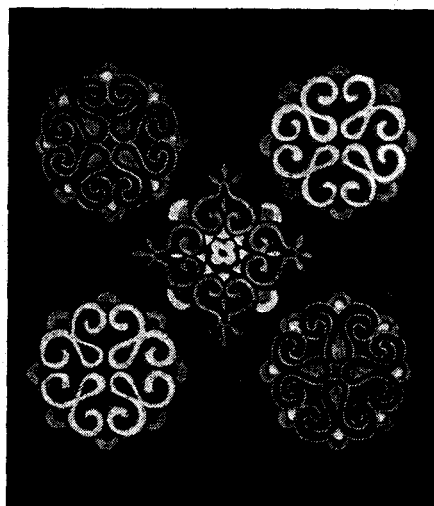

Рис. 7. Вышивка на скатерти (рис. Г. В. Шолоховой)

лашах, соорудившихся специально для этой цели. Вешала для изготовления юколы на открытом воздухе назывались у ороков, как и у ульчей, «санг».

Теперь юколу заготавливают в небольших количествах, причем юколу из горбуши делают преимущественно в доме: все заняты колхозной работой, строить коптильни, заниматься копчением нет времени. Основным способом заготовки горбуши сейчас является засолка ее в бочках. Солят обычным примитивным способом, пластом. Перед употреблением засоленную горбушу вымачивают, а затем варят или вялят. Свежую рыбу ороки едят в вареном и жареном виде, причем жарят обычно на металлических сетках «далдятику» (ульч. «далдяку»).

Ороки, как все амурские народы, употребляют в пищу не только вареную, но и сырую рыбу. Сырую камбалу, корюшку, навагу, красноперку, форель, кунжу мелко режут и едят с солью. Это кушанье, как и на Амуре, называется «тала». Как и амурские народы, ороки считают лакомством сырые головы старых, крупных экземпляров кеты и горбуши.

В часы отлива ороки собирают морскую капусту «канюй», варят ее вместе с рыбой. Весной и осенью по отливу собирают многочисленные раковины разных видов, которые называются «кулячи», «тойкта»; этих моллюсков едят вареными, делают из них суп. Самые крупные моллюски «мухумай» (раковины их достигают 25 см в диаметре) собирают после штормов, их не только варят, но и едят сырыми — «талуют». Во время пребывания в тайге ороки употребляют в пищу оленьи и медвежье мясо, дичь.

В настоящее время ороки очень хорошо питаются, особенно благодаря высоким заработкам. Рыбаки покупают в магазинах все продукты, которые к ним завозят — консервы, мясо, творог, сливочное масло; белый хлеб выпекается в селах. Ороки прекрасно солят икру горбуши и кеты и запасают впрок этот превосходный продукт. Пользуются они и таежными дарами, запасают различные ягоды. Современная пища ороков стала гораздо более разнообразной и калорийной, нежели прежде.

* * *

В быту ороков сохраняются до сих пор некоторые старые традиции, в частности, родовая экзогамия; впрочем, южных ороков немного, а число родов значительно: естественно, что члены одного рода являются близкими родственниками и не вступают в браки. Многие ороки помнят, что либо их отец, либо мать, дед пришли с Северного Сахалина. В селах Речное и Устье мы зафиксировали следующие роды: Найпутунене, Валетта, Торисса, Муйотта, Гетта, Амультикану, Сеукту, Варабайнене, Дахинене. Род Сеукту имеет два подразделения: Даи (большой) Сеукту и Нючи (малый) Сеукту, между которыми возможны браки. Роды Муйотта, Гетта, Торисса близко родственны орокам Северного Сахалина. Найпутунене, Варабайнене, Дахинене (членов этого рода сейчас не осталось), Сеукту — местные роды, их наименования возникли, по-видимому, от названий местностей на Южном Сахалине. Так, ороки рассказывают: с. Речное по-орокски называется Найпуту; здесь долго жили роды Найпутунене и Торисса, они породнились и теперь не вступают между собой в брак. Члены рода Сеукту (большого и малого) вступают в браки с родом Торисса.

Таков в общих чертах родовой состав южных ороков. В настоящее время они, как уже отмечено, вступают в брак с нанайцами, в прошлом

и теперь — с нивхами, эвенками, корейцами, айнами¹⁷; смешанные браки прежде чаще наблюдались у безоленных, поселившихся на берегу. Хотя южных ороков мало, а смешанные браки среди них распространены, у них хорошо сохраняется и язык, и национальное самосознание.

Обратим внимание на род Амультикану. Ороки говорят о нем: это — Мамбу хала, т. е. амурский род. Еще раз отметим, что в прошлом с Амура на Южный Сахалин приезжало много людей. Л. И. Шренк писал, что ульчи и нивхи с Амура вели посредническую торговлю с Южным Сахалином, в с. Тарайка (Таран) происходили торги; с. Таран — это японское название орокского селения Найпуту, современное селение Речное¹⁸. Д. Н. Позднеев также сообщал о визитах ульчских торговцев на Южный Сахалин в конце XVIII — начале XIX в.¹⁹; он отмечает, что за долги торговцы забирали и увозили на Амур айнских женщин. Айны сильно отличались от ульчей своим антропологическим типом; возможно, что взаимоотношения ульчей на Сахалине с более близкими им ороками проходили менее заметно и поэтому не оставили следа в литературе.

На южном Сахалине в раннем детстве жили два ныне здравствующих старика ульча — Александр Коткин из амурского села Дуди и Кагу Мала из с. Булава. Они рассказывали нам, что их близкие родственники (у одного дядя, у другого отец) уехали с Амура и долгое время жили на Южном Сахалине, попав туда во время охотничьих «экспедиций». В прошлом связи Амура с Сахалином, по-видимому, были оживленнее, чем это представляется сейчас: видимо, среди ульчей лиц, живших хотя бы временно, на Южном, а может быть, и на Северном Сахалине, раньше было значительно больше, чем теперь. Среди северных ороков в настоящее время наиболее многочисленными являются Баяуса²⁰ — род, связанный своим происхождением, с одной стороны, с эвенками (очень древние миграции в эти районы), с другой, — с ульчским родом Баяусал, представители которого живут до настоящего времени преимущественно в с. Койма Ульчского района Хабаровского края. Старики Баяусал говорят обычно, что их родственники живут на Сахалине, не указывая при этом на северных ороков. Приводя эти факты, заметим, что вопрос о происхождении ороков Сахалина, как северных, так и южных, представляется более сложным, чем об этом обычно говорится в литературе. Во всяком случае совершенно недостаточно определение, согласно которому ороки — это потомки эвенков или эвенов, некогда переселившихся на Сахалин²¹. Думается, что это только одна сторона проблемы.

Приведенные выше данные в какой-то степени могут объяснить отмечающееся в статье значительное сходство в терминологии у южных ороков и ульчей, относящейся не только к отдельным предметам, но и к мелким их деталям, что прямо указывает на тесные связи в прошлом этих двух народностей.

¹⁷ Летом 1963 г. мы зафиксировали в селах Речное и Устье два орокско-нанайских брака, два корейско-орокских, четыре орокско-нивхских. О смешанных браках ороков-оленьеводов говорилось выше.

¹⁸ Л. И. Шренк, Указ. раб., тт. I, II.

¹⁹ Д. Н. Позднеев, История северной Японии и ее отношений к матерiku Азии, Иокотагама, 1909.

²⁰ Б. А. Васильев сообщал, что, согласно легенде, ороки этого рода вымерли, отравившись мясом кита («Народы Сибири», М., 1961, глава «Ороки»), но это неверно; ороков рода Баяуса в настоящее время насчитывается около двух третей всех северных ороков и лишь одну треть составляют ороки остальных родов.

²¹ Именно так решается этот вопрос в работах, указанных в начале нашей статьи, а также в томе «Народы Сибири».

* * *

Советская действительность оказывает большое влияние на всю жизнь ороков — и материальную, и духовную, приносит новые явления в повседневный быт. Этому способствуют не только новые для ороков сельские культурные учреждения, но и печать, проникающая в каждую семью, радио, кино, постоянное общение ороков со своими соседями по селу, с членами трудовых бригад, колхоза и т. д.

В каждом селении, где живут ороки, имеется школа; в начальной школе с. Речное обучается 20 детей. Преподавание ведется на русском

Рис. 8. Детские ясли-сад в с. Речное

языке, и это закономерно: среди учеников есть нанайцы, нивхи, ороки, русские, дети от смешанных браков. Дети разных народностей вместе играют, естественно, что общим разговорным языком является русский, дети овладевают им еще до школы.

Этому способствует и пребывание детей в детских яслях и садах. В с. Речное построено прекрасное светлое здание, в котором помещаются ясли и детский сад. 37 детей народов Севера, живущих в селе, воспитываются здесь почти с рождения до 7 лет на полном государственном обеспечении. Родители берут детей домой только раз в неделю — на воскресенье (при желании, конечно, могут брать и навещать их значительно чаще). Воспитывают и обслуживают детей в этом детском учреждении русские, нанайки и орокские женщины. Дети находятся под постоянным наблюдением работающего в селе русского фельдшера²².

Окончив местную начальную школу в с. Речное, дети едут учиться в Поронайск. Здесь при полной средней школе, где учатся и русские ребята, создан интернат для детей народов Севера; около 50 детей и подростков живут там на полном государственном обеспечении, в том числе и дети из сел Речное, Устье и др.

²² В с. Речное имеется хорошо оборудованный медицинский пункт с двумя родильными койками. Роженицы не только получают бесплатную помощь, но за счет государства содержатся в медпункте целый месяц, бесплатно получают детское приданое. Медикаменты в медпункте народы Севера получают бесплатно (как заведено во всех северных районах).

Заметно изменяется семейная жизнь ороков. Женщины, прежде обремененные многочисленными детьми, заваленные тяжелой домашней работой, теперь получили возможность активно участвовать в общественной жизни, в общественном труде; как уже отмечено, многие ездят на работу в Поронайский рыбокомбинат. Наиболее активных избирают депутатами сельского совета. Некоторые женщины часто бывают в клубе, участвуют в художественной самодеятельности. В 1961 г. ороки, нанайцы, нивхи из с. Речное ездили на областной национальный праздник народов Севера в с. Ноглики, где заняли второе место на смотре художественной самодеятельности. Особенно отличились здесь мужчины ороки: в соревнованиях по лыжному спорту они заняли первое и второе места. Многие участники праздника получили памятные подарки.

Сельский клуб — подлинный очаг культуры на селе. Библиотеку при клубе, насчитывающую 2500 томов, посещают многие активные читатели.

Колхозники, особенно молодежь, грамотны. В настоящее время несколько ороков из сел Речное и Устье обучается в педагогическом училище г. Александровска, окончившие его работают преподавателями. Несколько юношей ороков получают различные специальности в Хабаровске, Николаевске.

Таковы характерные черты современной жизни южных ороков, к которой они приобщились с 1945 г.

* * *

Несколько слов о живущих в с. Речное нанайцах. Они приехали сюда в 1947 г. (в 1949 г. к ним присоединилось еще несколько семей) из различных амурских сел: Сикачи-Алян, Лидога, Дада, Болонь, Найхин, Симасы, Кондон и др.

Вся жизнь на Сахалине отлична от амурской: и рыба другая, и тайга, и климат. На новом месте рыбакам пришлось заново овладевать приемами и орудиями морского рыболовства. Постепенно они освоили добычу морского зверя. В настоящее время жизнь нанайцев в с. Речное мало отличается от быта и жизни местных ороков. На промыслах они ни в чем им не уступают; работая вместе в бригадах, они получают одинаковую заработную плату, живут в таких же домах, как и ороки. Дети их воспитываются вместе в детских яслях, садах и в школе.

Традиционную нанайскую одежду можно здесь увидеть лишь на двух-трех старых женщинах, которые привезли ее с Амура, также как и некоторые предметы утвари, инструменты для обработки кожи. Вместе с тем в нанайских хозяйствах можно увидеть то, чего нет на Амуре: ловушки для добычи нерп — «плавающие двери», местные орудия для обработки нерпичьих кож.

В новых условиях изменился пищевой режим нанайцев. Здесь нет привычной им речной рыбы; как и прежде, они делают юколу из горбуши, солят эту рыбу. Употребляют в пищу морскую капусту, вареное нерпичье мясо. Моллюсков варят или едят сырыми. Молодые и средних лет нанайцы привыкли к новым местам, сроднились с ними и теперь уже редко вспоминают об Амуре.

Нивхи на Южном Сахалине живут во всех местах, где и ороки; занимаются они, как и ороки, морским рыболовством, морским зверобойным промыслом и охотой, а живущие в Поронайске работают на тех же предприятиях, что и ороки.

Среди нивхов, живущих на Южном Сахалине, есть лица, прибывшие с Северного Сахалина 5—10 лет назад; часть нивхов, подобно южным

орокам, живет здесь очень давно, некоторые вспоминают, что пришли на Южный Сахалин вместе со своими родителями в раннем детстве. Так, нивхка Плеунгун, живущая в с. Речное, рассказала нам, что она принадлежит по отцу к роду Аркайфинг, мать ее — Крыузьфинг; сама Плеунгун родилась около Александровска и в девятилетнем возрасте приехала с родителями на Южный Сахалин («как раз перед тем, как закрыли границу»). Муж Плеунгун — южный нивх, он родился около Поронайска и относится к роду Кенабунг; он хорошо знает, что его родители с р. Тыми, что его отец еще мальчиком прибыл в район Поронайска вместе со своим отцом.

Нивхи Южного Сахалина хорошо сохранили свой язык и говорят между собой обычно по-нивхски. Но предметов традиционного материального быта у них почти не сохранилось. Молодежь из среды южных нивхов сейчас получает образование наравне с орокской и нанайской молодежью.

SUMMARY

The author describes the present-day economic pattern and culture of a small ethnic group — the Oroks of South Sakhalin — who joined the family of Soviet peoples in 1945. Despite the fact that this small people had a very difficult time under Japanese occupation when their traditional economic pattern was forcibly changed, the Oroks of South Sakhalin managed to preserve their ethnic features, their language and national self-awareness.

The life of this ethnic group under Soviet power is analogous to the life of other, small or large, nationalities of the Soviet Union. They now have a stable economic basis that ensures their material well-being. There are schools, medical and cultural establishments. The Oroks of South Sakhalin have assimilated many elements of present-day Soviet culture. Yet, alongside of this, they retain many national traditions in different aspects of their life.